

Эльжбета Мончиньска
Институт экономических наук
Польская Академия наук

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА - ОЦЕНКИ, ПОСТУЛАТЫ И КОНТРОВЕРСИИ

Реферат на XXI Научную конференцию Совместной Комиссии
Экономистов Польской Академии наук и Российской Академии наук
на тему: Вызовы Польше и России перед лицом мировых изменений модели
рыночной экономики
Варшава, 27-28 июня 2011 г.

=====

Введение

Реферат продолжает дискуссию, касающуюся поиска оптимальной в существующих условиях модели экономического устройства. Глобальный финансовый кризис 2007/2008 и глобально нарушенное равновесие вызывают чуть ли не взрыв острых споров на тему системных (и других) его причин. При этом подчеркивается шаткость теории экономии в ее настоящей форме. Особенно это относится к экономии главного течения и неолиберальной доктрине. Это способствует развитию нового течения в экономии сложности, в том числе экономии несовершенных знаний. На этом фоне формулируется тезис об изменении парадигмы экономии, существенный тем более, что одним из усиливающихся свойств современной экономики являются трудности и сложность финансового измерения ее результатов. Такая проблема выступает почти на всех ступенях экономики, начиная с макроэкономических дисфункций измерения внутреннего продукта брутто. Дисфункции проявляются и на предприятиях, в частности, в форме так наз. *отравленных активов*.

Являющиеся почвой глобального кризиса дисфункции измерения экономических результатов и фальсификация картины экономической кондиции, особенно финансового сектора, недавно были spectacularно представлены в опубликованном в апреле 2011 г. под руководством Карла Левина и Тома Кобурга отчете Комиссии Сената США, созданной для анализа „анатомии финансового кризиса на Wall Street.”¹ Из отчета следует, что ключевую роль в финансовом кризисе сыграл банк *Goldman Sachs*, по мнению Левина, действия этого банка ставят под вопрос всю финансовую систему, являющуюся основой Wall Street. В отчете довольно-таки много резких оценок, в том числе приводится сравнение продуктов банка с *жетонами в гигантском казино*. Многие известные экономисты, в частности, Роберт Скидельски, член британской Палаты Лордов, прямо утверждает, что глобальный кризис стал результатом огромного масштаба неправильностей, ошибок в оценках активов частными банками и рейтинговыми агентствами („The

¹ United States Senate PERMANENT SUBCOMMITTEE ON INVESTIGATIONS Committee on Homeland Security and Governmental Affairs Carl Levin, Chairman Tom Coburn, Ranking Minority Member, WALL STREET AND THE FINANCIAL CRISIS: Anatomy of a Financial Collapse, MAJORITY AND MINORITY STAFF REPORT PERMANENT SUBCOMMITTEE ON INVESTIGATIONS UNITED STATES SENATE, April 13, 201

financial collapse of 2007-2009 was the result of a massive mis-pricing of assets by private banks and ratings agencies”²).

Вызванный финансовым кризисом глобальный экономический провал побуждает дискуссию не только на тему легитимизации финансовой системы в ее настоящей форме, но и продолжающуюся уже несколько декад дискуссию на тему будущего капитализма, роли государства и модели экономического устройства. В частности, Ноурель Рубини подчеркивает, что кризис предопределяет будущие решения, создаст будущее и рамы экономического устройства. („Crises will figure in our future”)³. Отсюда актуальность вопроса об оптимальной форме экономического устройства и будущем неолиберальной, лесеферистской - англосаксонской модели капитализма. („What is the future of the Anglo-Saxon model of unfettered laissez-faire capitalism?”)⁴ [Roubini с. 4]. В литературе по предмету подчеркивается необходимость системных изменений, направленных на уменьшение кризисных угроз⁵. Известный немецкий экономист Петер Бофингер задумывается, может ли модель свободнорыночного хозяйства быть спасена и указывает на необходимость сильного государства⁶.

Контестуются идеи Вашингтонского консенсуса с его требованием унификации экономических систем. Приобретает большее значение мнение, что устройство должно быть „костюмом, сшитым на заказ”. Это не может быть *один фасон* на любые обстоятельства. В связи с шаткостью такого доктринального подхода все большей благосклонностью пользуются ордолиберальные идеи в противовес неолиберализму. Квинтэссенцией такой ордолиберальной модели является модель социального рыночного хозяйства. Это модель равновесия, в которой совмещаются экономические и социальные интересы. Но и эта модель требует приспособления к современным условиям глобального хозяйства - со спектакулярно увеличенным участием в ней финансового сектора. Отсюда эти рассуждения все еще остаются в фазе открытых вопросов.

1. Финансизация (биржевизация) и глобально нарушенное равновесие. Дисфункции измерения экономики.

Одним из основных условий эффективного функционирования экономики является соответствующая система измерения ее результатов. Согласно теории классической

²R. Skidelsky, Democracy or Finance, Project Syndicate | Monday, April 18, 2011, <http://www.skidelsky.com/site/article/democracy-or-finance/>

³ “In fact, we believe that understanding and managing crises requires a more holistic and eclectic approach than is perhaps customary. It’s necessary to check ideology at the door and look at matters more dispassionately. Crises come in many colors, and what works in one situation may not work in another.”, из предисловия к книге: Nouriel Roubini Stephen Mihm, Economics - a Crash Course in the Future of Finance, New York The Penguin Press, 2010, с. 6

⁴ См. также: N. Roubini, Laissez-Faire Capitalism Has Failed, The financial crisis lays bare the weakness of the Anglo-Saxon model, Forbes, 02.19.09,

⁵ “How to reform a capitalism that has delivered serial crises instead of delivering the goods on a consistent and stable basis. Indeed, while market-oriented reforms have taken many emerging market economies out of endemic poverty and underdevelopment, the frequency and virulence of economic and financial crises have increased in both emerging markets and industrial economies” N. Roubini, S. Mihm, op.cit. с. 11].

⁶ П. Бофингер. Нас ожидает эпохальная перемена, „Еженедельник Forum”, 2008 и P. Bofinger, Ist der Markt noch zu retten? Warum wir jetzt einen starken Staat brauchen, Düsseldorf, Econ Verlag, 2009

экономии, основной финансовой мерой эффектов экономической деятельности являются получаемые предприятиями финансовые результаты, то есть прибыли или убытки. В то же время это мера, очень податлива к деформациям, особенно связанным с бухгалтерскими манипуляциями. Отсюда действительная финансовая кондиция может существенно отличаться от предполагаемой по показателями рентабельности. Практика, а прежде всего глобальный кризис, доставляет даже слишком много явных и сильных доводов грозных социально-экономических последствий такого типа фальсифицирования. Существенно прежде всего то, что финансовый результат складывается из основных элементов финансового отчета. Он указывается не только в расчете прибылей и убытков, но и в отчете по денежным потокам, и в балансе. Так что деформации финансового результата переходят в цепь ошибок, в том числе в фальсифицирование информации о балансовой стоимости активов (*book value*), являющейся отправной точкой при оценке рыночной стоимости предприятий и цен их акций. Размер активов нетто показывает, в частности, как далеко фирме до отрицательного собственного капитала, что было бы очевидным симптомом угрозы банкротства. Кроме того, прибыль является основой исчисления и выплат дивидендов. Следовательно, из-за фальсифицирования стоимости активов их обращение, обращение акций можно сравнить – по определению Акерлофа и Шиллера – с продажей „snake oil”, змеиного масла, то есть чего-то, что в действительности не существует⁷. Неслучайно считается также, что в настоящее время одним из важнейших теоретических течений в экономике является управление риском⁸. Кшиштоф Яюга констатирует, что „данный субъект принимает рискованные решения, если риск компенсируется адекватными выгодами”⁹.

В период нескольких минувших десятилетий опасно развились методы и техники подгонки компаниями уровня прибыли к ожиданиям их менеджеров или/и владельцев, особенно под углом выгодного формирования имиджа бизнеса на рынке капитала. Эти методы презентуются в литературе по предмету под очень впечатляющими названиями, напр.: *meeting or beating earnings expectations*¹⁰, *bump up earning*, *big-bath accounting*¹¹, *cookie-jar accounting*, *income smoothing* и др.¹² Они направлены на креатирование на денежном рынке располагающего, привлекательного для инвестора имиджа компании, якобы гарантирующей постоянное генерирование прибыли. Однако это находится в противоречии с доминирующим в практике „террором краткосрочной прибыли”, так наз. *шорттермизмом (The Big Short)* и – являющимся этого последствием - отмиранием культуры стратегического мышления в пользу мышления в категориях *quasi* „расчетно-избирательного” цикла и подчинения ему действий¹³.

⁷ Дж. А. Акерлоф, Р. Дж. Шиллер, Животные инстинкты (Толкает ли человеческая психика глобальную экономику и какое это имеет влияние на перемены мирового капитализма?), Варшава 2010. Изд. Studio EMKA, с. 12

⁸ См. К. Яюга, Управление риском, PWN, Варшава, 2008, с. 14 и след.

⁹ К. Яюга, *ibidem*, с. 14

¹⁰ E. Bartov, Givoly E., D. Hayn, The rewards for meeting-or-beating earnings expectations. *Journal of accounting and Economics*. 2002 №. 33, с. 173 и след.

¹¹ Speech Entitled “The Numbers Game” by Chairman Arthur Levitt of the SEC at the NYU Center for Law and Business, Sept 28th, 1998.

¹² C.R. Beidleman, Income smoothing: The role of management. *The Accounting Review*. 1973, № 48(4), с. 653.

¹³ M. Lewis, *The Big Short: Inside the Doomsday Machine*, New York, W. W. Norton & Company, 2010 и M. Lewis, *Liar's Poker: Rising Through the Wreckage on Wall Street*, New York, W. W. Norton & Company, 1989.

Джозеф Стиглицт указывает на явление *триумфа алчности над благоразумием*. „Управляющих кадров, вознаграждаемых опционами на акции, были стимулы делать все, что в их силах, для набивания цен акциям управляемых ими фирм – с креативной бухгалтерией включительно. /../ Инвесторы и регуляторы были предостережены раньше, но явно видно, что не извлекли никакого урока из предыдущих „промахов”: креативный учет стоял за многими скандалами периода пузыря доткомов (технологического) в конце девяностых годов”¹⁴.

Ведь ожидаемые менеджерами предприятий выгоды находились в тесной связи с формированием показателей рентабельности. Отсюда склонность к их украшению. Перечень служащих этому методов бухгалтерских манипуляций – длинный и, конечно же, по природе вещей, не полностью идентифицированный. Некоторые из них осциллируют на границе закона, Стиглицт трактует такого типа действия как проявление нравственного кризиса. „Много написано о глупости нерационально рискованных поведений в финансовом секторе, об опустошениях, вызванных финансовыми институтами в экономике, и о фискальных дефицитах, которые являются этого следствием. И слишком мало написано о лежащем в основе всего этого выявившемся „нравственном дефиците”, а, может быть, он больше и сложнее корректируется. Непрестанная погоня за прибылью и вынесение на пьедестал стремления к реализации собственного интереса не создали просперити, на которую мы надеялись, но помогли создать нравственный дефицит./../ Возможно, только тонкая линия отделяла креативную бухгалтерию от бухгалтерских обманов, но финансовый сектор переступал ее раз за разом, в частности, несколько лет тому назад во время скандалов с WorldCom и Enron. Не всегда удается отличить некомпетентность от обмана, но ведь мало правдоподобно, что фирма, оценивавшая свою стоимость нетто в более 100 миллиардов долларов, вдруг оказалась под чертой без сознательного практикования мошеннической бухгалтерии. Ведь невероятно, что инициаторы ипотечных кредитов и инвестиционные банкиры не знали, что их продукты, ими создаваемые, приобретаемые и переупаковываемые, токсичны и отравляющи”¹⁵.

Фальсифицирование стоимости предприятий и недвижимости Стиглицт ярко определяет как „надувательство на ипотеке”, „инновационность, которая сошла на плохую дорогу: лавина плохих продуктов”, „великий американский разбой” или „триумф алчности над благоразумием”¹⁶.

В такой ситуации особое измерение приобретает тезис Торстена Веблена в опубликованной в 1899 г. „Теории праздного класса”, что „в случае преступлений, приносящих большую fortuna преступнику, наказание не такое высокое, ни осуждение такое значительное, каких следовало бы ожидать в свете наивно понимаемого нравственного кодекса. Вор или обманщик, которому это преступление дало возможность приобрести большое богатство, легче, чем мелкий воришка избежит ригористического правосудия, и вдобавок, благодаря приобретенному

¹⁴ Дж. Е. Стиглицт, *Freefall. Безудержная езда. Америка свободные рынки и погружение мировой экономики* РТЕ, Варшава, 2010, Варшава. 2010, с. 179

¹⁵ J. E. Stiglitz, *Freefall*, ibidem. с. 320

¹⁶ J. E. Stiglitz, ibidem, .. , с. 173 и след.

богатству и демонстративному растрачиванию своих нелегальных доходов, получит некий *quantum* хорошей репутации”.¹⁷

Дисфункции измерения результатов предприятий сопровождаются непрозрачностью, а критериев - извращениями в системе вознаграждения менеджерских кадров. Указывает на это, в частности, профессор Марчин Круль, философ и историк идеи: „Во мне нет даже наименьшей эгалитарной тенденции, и мне не мешает, что такие люди, как Билл Гейтс или Джордж Сорос зарабатывают миллиарды. Но одно дело если это заработанные деньги, и другое - если это вознаграждения, выплачиваемые, например, директорам американских пенсионных или доверительных фондов или банков. Президент крупного банка в Соединенных Штатах зарабатывает около 20 млн. долларов в год, а помним, что в то время, когда такие фонды или банки спасало правительство, руководства этих финансовых институтов и так выплачивали себе премии и добавки”. Почему такие деньги, и при этом такая вокруг этого тишина и даже тайна? Почему главы правительств получают жалкие объедки (премьер в Польше 16 тыс. зл. в месяц), а шефы банков и других институтов - гигантские суммы? Разве они настолько талантливее или нужнее обществу? Или, может, здесь имеет смысл низкое подозрение, что если бы они получали меньше, то бы воровали? Наверно, в этом есть тень правды, но всего лишь тень. Наконец, почему нигде в мире самый выдающийся профессор не зарабатывает даже приблизительно таких сумм, а пэремия Нобеля - это всего лишь миллион с лишним? Шефам финансовых институтов равны единственно представители шоу-бизнеса, но они приносят тем, кто им платит, то есть людям – удовольствие”¹⁸. Сходное мнение формулирует бельгийский антрополог, специалист по искусственному интеллекту и финансист Пол Джорион¹⁹.

Непрозрачность критериев, доминация „внешности” в измерении стоимости, господство стадных оценок и поведений, руководство подражанием и маргинализацией учета фундаментальных основ стоимости становится своего рода характерной чертой наших времен, в которых блеск и поверхностность побеждают углубленную рефлексию и проницательность. Профессор политической философии Джеральд Аллан Коэн в изданной в 2009 г. книге под провокационным заглавием *Why not Socialism?* считает зависимость оценки стоимости труда и продуктов исключительно от субъективной оценки заинтересованных - главной болезнью капитализма, из-за которой потенциал знаний, а особенно рефлексии и творческие возможности интеллектуалистов не используются надлежащим образом²⁰. Это экспонирует и Райнер Ханк в ироническом комментарии к этой книге: „Поэтому даже самые мудрые философы в условиях капитализма не получают наивысших вознаграждений (возможно поэтому столь многие философы становятся

¹⁷ Т. Веблен, Теория праздного класса, Издательство: Wydawnictwo Literackie Muza SA, Варшава 2008, с. 101

¹⁸ М.Круль, Боги в демократии, Еженедельник Wprost №: 21/2011 (1476), с.38

¹⁹ Paul Jorion. «We Must Put an End to the Hegemony of Those Who Possess Capital», <http://www.humaniteinenglish.com/spip.php?article1753>

²⁰ G. A. Cohen, Sozialismus. Warum nicht? Übersetzt und mit einer Würdigung versehen von Rainer Hank, Wirtschaftschef der Frankfurter Allgemeinen Sonntagszeitung von Rainer Hank, Knaus-Verlag, Muenchen, 2010, с. 93 (Ориг. заголовок Why not Socialism?, Изд. Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 2009

социалистами), а получают их люди, такие как Марк Цукерберг, который прервал учебу, чтобы основать свой „общественнический портал”²¹.

Причисляемый журналом Fortune Magazine к самым влиятельным людям в мире бизнеса - Джон Богл, *основатель инвестиционного фонда The Vanguard Group*, относясь к измерению деятельности финансового сектора, парафразируя сентенцию Уинстона Черчилля, критически констатирует, что „никогда так много не платили за так мало”, указывая тем самым на извращения в экономическом расчете²². В литературе по предмету достаточно доказательств того, что финансовый сектор и его вклад в формирование социального благосостояния переоценен, что находит отражение как в высоченных вознаграждениях менеджеров, так и в высоких нормах окупаемости в этом секторе, не имеющих глубоких экономических оснований. Ведь если признать, что оценка стоимости должна находиться в тесной связи с вкладом в умножение общественного благосостояния, то в мире бизнеса, особенно финансового, этот принцип не действует. Этого, в частности, касается мнение Джеффри Закса: „Мои студенты прямо после университета приземлялись на Wall Street и сразу зарабатывали миллионы. Я знаю, что они умели, так что знаю, что не стоили этих денег”²³. Джеффри Закс считает, что „истинный феномен второй части эпохи Рейгана заключался в том, что даже после очередных кризисов, спекулятивных пузырей, скандалов, не были созданы самокорректирующие механизмы, которые являются наибольшей силой демократического капитализма./../. Когда спекуляция разрушает хозяйство, должна появиться политическая сила, ограничивающая свободу спекулянтов. Впервые в истории Америки ничто такое не произошло. Почему? Американская политика коррумпирована сильнее, чем когда-либо. Никогда от самых богатых людей и самых больших фирм не текли в политику такие большие деньги. Никогда стоящая миллионы реклама не имела такого большого влияния на выборы”²⁴.

Немецкий философ Петер Слотердийк, относясь к дилемме понимания стоимости, приходит к неожиданному выводу, что настоящим героем наших времен является Гарри Поттер. „Так вот повести о Гарри Поттере содержат видение мира, лишённого реальных границ. Этот своеобразный букварь склонял целое поколение читателей открыть в себе чародея. Кстати, английское слово potter значит „гончар”, а это ремесленник, изготавливающий пустую посуду. Сегодня только неудачники еще верят в труд, остальные занимаются гончарной магией и запускают свои производные продукты”²⁵. Эта горькая, ироническая констатация указывает на угрозы, вытекающие из нарушения пропорции и отсутствия равновесия между прибылью и затратами труда. „Именно эта диспропорция наложила отпечаток на способ мышления в минувших десятилетиях. Толпы людей хотели вырваться из реального мира, в котором за 40 часов работы получают еженедельно едва лишь среднее вознаграждение, в то время как, благодаря нескольким часам магии можно присоединиться к кругу архибогатых. Мы отыскали опасные счета. Место прозаических уравнений заняла причудливая арифметика. Это губит чувство

²¹ibidem.

²² John C. Bogle *Enough. True Measures of Money, Business, and Life*, Изд. Wiley, ноябрь 2008, USA, с. 38

²³Беседа Яцека Жаковского с проф. Джеффри Заксом, *Polityka*, 19 января 2009.

²⁴ibidem ..

²⁵Спасение не придет сверху. Новое одеяние мира. Беседа Эвы Кархер с Петером Слотердийком *Еженедельник Forum* № 14/2009. С. также Р. Sloterdijk, *Du mußt dein Leben ändern. Über Anthropotechnik*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 2009,

адекватности. Наше понимание причинно-следственных связей так же уничтожено, как чувство пропорции”²⁶.

Это подтверждает и мнение Питера Соломона, бывшего вице-президента инвестиционного банка Lehman Brothers, который осенью 2008 года обанкротился²⁷. Характеризуя извращения финансового сектора, Питер Соломон экспонирует негативную эволюцию этого сектора, сравнивая его нынешнее состояние с состоянием несколько десятилетий тому назад: „Фирмы на Wall Street практически не имели тогда собственных капиталов. Не инвестировали собственные деньги, а торговали акциями для своих клиентов. Были прежде всего советником и посредником. Тем временем в последние годы инвестиционные банки на Wall Street стали неиссякаемыми источниками капитала. Lehman Brothers в 60 годы располагал, может быть, 10 млн. собственных долларов. В 2007 году – мноими миллиардами. Вплоть до нынешнего краха толпы блестяще образованных молодых людей, попадающих в фирмы на Wall Street, занимались главным образом изобретением все больше сложных финансовых инструментов и инвестированием в них денег своей фирмы”²⁸. И в этом контексте пророческий тезис Веблена: „Улучшения современных институтов, фаворизирующие финансовую сторону интересов, влекут за собой замену „капитанов промышленности” бездушными акционерными компаниями, в результате чего основная функция праздного класса - владение собственностью - становится излишней”²⁹.

Джон Богл, влиятельный знаток и практик финансового сектора, констатирует, *что мы очутились в мире, в котором слишком многие среди нас ничего уже, пожалуй, не создают*. Мы лишь торгуем кусками бумаги „обмениваясь между собой туда-сюда акциями и облигациями, при случае выплачивая за это нашим финансовым крупье настоящие фортуны. Джон Богл, указывая на различные извращения в финансовом измерении экономической деятельности, в особенности в финансовом секторе, а также извращения в подходе к бизнесу, деньгам и жизни, формулирует своего рода остерегающий декалог извращений. В частности, он экспонирует следующие неправильности: *слишком большие издержки – слишком малая стоимость (Too Much Cost, Not Enough Value); слишком много спекуляций – слишком мало инвестирования (Too MxMuch Speculation, Not Enough Investment)*³⁰.

В рамках этого тренда издержки автоматически растут по мере создания очень сложных производных инструментов (дериватов), по причине которых в финансовую систему встроено огромные и непостижимые виды риска”. Это следствие, в частности, чрезмерной финансизации экономики и разрастания спекулятивного капитала, то есть отрыва финансовых потоков от реальных процессов, что уже само по себе может представлять зародыш кризиса³¹. Финансизация связана с развитием и глобализацией рынков капитала. Поэтому, по мнению Тадеуша Ковалика, лучшим

²⁶ ibidem

²⁷ Бывший вице-шеф Lehman Brothers: Работники забирали назад свои инвестиции раньше, беседовал в Нью-Йорке Марчин Гадиньски, Gazeta Wyborcza, 2008-11 03 http://gospodarka.gazeta.pl/gospodarka/1,33211,5875497,В_wiceszef_Lehman_Brothers__Pracownicy_wycofywali.html,

²⁸ ibidem

²⁹ Т. Веблен, *op. cit.*, с.177

³⁰ Дж. Богл, *op.cit.* с. 5 и след.

³¹ Тапскот Д. Уильямс А. Викиномия. О глобальном сотрудничестве, которое меняет все, Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, Варшава, 2008.

чем финансиация определением была бы здесь биржевизация³². Тадеуш Ковалик напоминает при этом предостережения Джона М. Кейнса перед чрезмерным разрастанием спекуляций. Кейнс почти пророчески оценивал, что „по мере улучшения организации рынков появляется существенная опасность, что спекуляция возьмет верх над предпринимательством... Спекулянты могут быть безвредными, если они - нечто вроде пены на спокойных водах предпринимательства. Но ситуация становится серьезной, когда предпринимательство становится пеной на вихре спекуляций.³³ Это направление перемен ведет к тому, что, *слуга становится господином*³⁴. Как констатирует Богл, „в течение двух минувших столетий Америка переключилась с экономики, опирающейся на сельское хозяйство, на экономику, опирающуюся на промышленное производство, потом на экономику, опирающуюся на услуги, и теперь на экономику, опирающуюся главным образом на финансовые операции. Однако эта опирающаяся на финансы экономика, по дефиниции, снижает стоимость, создаваемую производственными предприятиями“³⁵. Хотя автор этого мнения не оспаривает креативирования этим сектором добавленной стоимости (в частности, путем создания рабочих мест), но в то же время обращает внимание, что чем больше берет для себя финансовая система, тем меньше получает инвестор, который является базовым „кормильцем“ существующей сейчас, безмерно дорогостоящей финансово-инвестиционной „цепи питания“. В настоящей форме финансовый сектор сокращает стоимость, „которую может создать общество“³⁶.

Парадоксально, помимо того, что финансы - это очевидное и необходимое кровообращение экономики, в практике доходит до дихотомии интересов финансового и реального секторов. Финансовый сектор прежде всего зарабатывает (лучше всего) на колебаниях цен, курсов, процентных норм. Так что он не слишком-то заинтересован их стабильностью. Поэтому нельзя исключить, что он заинтересован вызыванием колебаний. Об этом говорится во многих публикациях, в том числе в книге финансового аналитика Майкла Левиса „The Big Short“, о терроре краткосрочной прибыли и всевластного *шорттермизма*³⁷. Это стало также благодарной темой многих кинофильмов. Выразительно показано в книгах знатока финансового рынка Джона Богла, в том числе под заглавием "Хватит", а также в книге Адама Лебора „Приверженцы - то есть о том, как Бернард Мадофф обманул Америку на 65 млрд. долларов“. Жертвами обманов Мадоффа стали даже искушенные знатоки финансового рынка, в том числе Алан Гринспан³⁸. В книге на

³² Т. Ковалик *Animal spiritus* в польской трансформации, в: Р. Козловски (ред.), Польский узел. Барьеры развития с экономической и психологической перспективы, ИЭН ПАН, ИП ПАН, Варшава, 2011, с. 14, ,

³³ Дж.М. Лейнс: Общая теория занятости, процента и денег, перевод М. Калецки, С. Рончковски Научное издательство PWN, Варшава 2003, с. 140

³⁴ Э. Мончиньска. , „Когда слуга становится господином, то есть дисфункции измерения стоимости бизнеса и результатов экономической деятельности, в: D. Зажецки (ред.), Время на деньги. Управление Финансами Инвестиции, оценка предприятий, управление стоимостью, Щецин 2011

³⁵ J. C Vogle, op.cit. Глава I Too Much Cost, Not Enough Value с. 29- 47

³⁶ *ibidem*

³⁷ M. Lewis, *The Big Short: Inside the Doomsday Machine*, New York, W. W. Norton & Company, 2010 и M. Lewis, *Liar's Poker: Rising Through the Wreckage on Wall Street*, New York, W. W. Norton & Company, 1989.

³⁸ Алан Гринспан потерял почти треть своих пенсионных сбережений. Как и многие другие жертвы Мадоффа, Гринспан не знал, что его средства через цепь фондов попали в *схему Понци* (отбери одному, чтобы отдать другому). Гринспан заявляет: „Я не знал Берни Мадоффа. Никогда о нем не слышал. Я инвестировал в фонд стоимостью в 3 миллиарда долларов. Доверился человеку, который

эту тему есть трогательный фрагмент о том, как отец Бернарда МадOFFфа, Ральф приглашает молодого, слабо обеспеченного сотрудника фонда МадOFFфа на прогулку по Wall Street. Он дает ему такой совет: „Никогда, никогда-никогда не инвестируй на Wall Street”³⁹.

Об извращениях в измерении стоимости свидетельствует немало фактов из экономической жизни, но даже глобальный кризис (или кризисы вообще) – как оказывается – не представляет достаточного *memento*. „Однако инвесторы в последнее время (2011 г. – примечание ЭМ) помешались на пункте всего, что имеет связь с новыми СМИ. Со времени расцвета доткомов на рубеже тысячелетий никто не видел столько оферт, привлекаемых фирмами, сыплющими модными словечками, как общественнические СМИ, платформа, общество или контент. Фейсбук, прототип их всех, ожидает, что публичная оферта принесет ему оценку порядка 50 млрд. долларов – больше, чем империя Руперта Мердока, и почти столько, сколько Boeing”⁴⁰. Это происходит в ситуации, когда „не одну фирму можно купить за 10 млрд. долларов. Harley-Davidson, насчитывающий 108 лет легендарный производитель мотоциклов, стоит немногим меньше. Deutsche Börse заплатит подобную сумму за ньюйоркскую биржу. Такая же цена и Twitter’a, нерентабельного, пятилетнего микроблогового сервиса, оглашаемого либо мегазвездой новой эры коммуникации, либо самым надутым примером очередного спекулятивного пузыря на рынке доткомов”⁴¹. С одной стороны это воспринимается как „оценки из дурдома”, но с другой отмечаются информационная ценность и сила воздействия общественнических порталов на социально-экономические перемены⁴².

Дисфункции измерения экономики проявляются также в диспропорциях норм окупаемости инвестируемого капитала. Они значительно выше в финансовом секторе, т.е. в сфере обслуживания нефинансового сектора, чем в нем самом, т.е. в так наз. реальном секторе. Это доказывают международные статистики, в том числе польские. Наиболее синтетический показатель окупаемости инвестируемого капитала, показатель ROE (*return on equity*), то есть отношение между получаемыми финансовыми результатами (прибылями или убытками) и размером ангажированного собственного капитала превышало в 2006-2008 гг. 22% (что означает окупаемость инвестируемого собственного капитала за немногим более 4 лет)⁴³. В нефинансовом же секторе (реальном) этот показатель редко превышает 10%. Высокие нормы окупаемости в финансовом секторе означают, с одной стороны, обременение нефинансового сектора высокими финансовыми издержками, а с другой, являются

меня уговорил сделать это и сам был настоящим приверженцем. Теперь понимаю, что я дал довод наивности, отказавшись от личной ответственности”. A.LeBor, Ibidem с. 162

³⁹ „Откладывай свои деньги в банк на сберегательный счет, тогда сам будешь ими управлять. Один доллар стоит столько, сколько стоит один доллар. Не дай жадности искривить твою психику”, A. LeBor. Приверженцы, то есть как Америка дала обмануть себя Бернарду МадOFFфу на 65 миллиардов долларов, Издательство: Muza S.A., Варшава, 2011 с. 87 (“*Never, ever, ever invest on Wall Street. It is run by crooks, and SOB's. I don't trust them. Put your own money in a savings bank and you control it yourself. A dollar is worth a dollar. Don't let greed get into your psyche.*”)

⁴⁰ Доминик Руше, Еще один пузырь? Микроблоговые неиссякаемые источники золота; ориг.: Is his the tort of the second dotcom bubble? The Guardian 11.02.2011,

<http://www.guardian.co.uk/business/2011/feb/20/is-this-the-start-of-the-second-dotcom-bubble>, перепечатка: Еженедельник Forum, 2011 № 9, с. 30 и след.

⁴¹ ibidem.

⁴² ibidem

⁴³ Мониторинг банков 2005-2010, ГСУ, Варшава, 2010, с. 139

следствием роста областей высокого риска финансовых операций, что, в частности, связывается с развитием сложных инструментов – финансовых инноваций. Нередко они непрозрачны и непонятны не только дилетантам, но и значительной части экспертов финансового сектора.

Размножающиеся пороки экономической жизни, в этом случае хищническая отчетность (ложно определяемая как креативная), такие как, в частности, не соответствующие реалиям оценки предприятий и ценных бумаг, ошибочные оценки рейтинговых агентств и аудиторов, извращения в вознаграждении менеджеров, случаи режиссируемых банкротств - обосновывают упрек в обманности отчетности. Но хищническая отчетность - вторичная причина представляемых пороков. Первичная их почва глубже, связана, в частности, с совершающимся на наших глазах цивилизационным переломом, приносящим глубокие преобразования бизнес-образцов, результирующих в нарастающей сложности и уменьшающейся транспарентности глобальных экономических связей. Динамизм, охват и глубина перемен обертываются обманностью не только отчетности, но и теории экономики. Все это указывает на необходимость поиска новых теоретических парадигм, решений, в том числе решений, касающихся измерения хозяйственной деятельности. Это необходимо тем более, что технологический прогресс не всегда претворяется в цивилизационный.

Дисфункции в измерении стоимости указывают одновременно на дисфункции использования знаний и функционирования *экономики, основанной на знаниях*⁴⁴. Это понятие, хотя и не совсем удачное, ведь действия (не только экономические) цивилизованного человека всегда базировались на каких-то знаниях, за несколько минувших десятилетий продвинулось до одной из коронных характеристик современного мира. Экономика, основанная на знаниях - это такая, в которой знания становятся „универсальным субститутом”, сталкивающим на дальний план другие элементы производственного потенциала. Знания стали сейчас своего рода универсальным „станком”, о неизмеримом потенциале которого spectacularно убеждают хотя бы генезис и развитие таких, еще недавно неизвестных видов деятельности и предприятий, как поисковая система „Google” или социальный портал „Facebook”. Парадоксально в условиях цивилизации знаний, пожалуй, одной из самых постыдных черт современного мира является нарастающая дихотомия знаний и ума. Помимо небывалого, несомненного прогресса науки и технологии, помимо растущих ресурсов знаний, не происходит достаточно удовлетворительное их претворение в социальное благосостояние. Так что парадоксально эпоха *экономики, основанной на знаниях (ЭОЗ), не приносит плодов в виде цивилизации разума, столпа каждой парадигмы*. Это результирует безвозвратными экономическими потерями и социальными дисфункциями (патологиями, безработицей и т.п.). ЭОЗ не претворяется удовлетворительно в экономику, основанную на умах (ЭОУ). Поэтому в ситуации, когда в мире роятся случаи неумного использования знаний, некоторые авторы выдвигают постулат перейти от модели ЭОЗ к ЭОУ, т.е. от экономики, основанной на знаниях, к экономике, основанной на умах⁴⁵.

⁴⁴ Э. Мончиньска, Дихотомия знаний и ума, Экономический бюллетень Польского экономического общества, 2011, № 2, с. 71

⁴⁵ А. Куклиньски. От экономики, основанной на знаниях, к экономике, основанной на умах. Навстречу энигме XXI века, Экономический бюллетень Польского экономического общества, 2011 №2, с. 65

2. Дисфункции измерения стоимости и парадигма экономики

Измерение экономической деятельности находится в тесной связи с теорией экономики, прежде всего, с теорией стоимости и цены. Поэтому дисфункции в этой сфере обосновывают вопрос о парадигме экономики и необходимости ее изменения. Не означает это, конечно, что фундаментальные утверждения экономики теряют свою актуальность. Разумеется, все они продолжают обязывать и, по всей вероятности, будут обязывать, в частности, такие законы, как закон спроса, предложения, теория конъюнктурного цикла и другие.

Так что следует задаться вопросом – как такую парадигму понимать⁴⁶. Если принять, что эта парадигма (впрочем, не только экономики) состоит из трех главных элементов: 1. предмет (то есть чем занимается данная область – в этом случае экономия), 2. методология и применяемые методы исследований и 3. претворение результатов теоретических исследований в практику, применение в практике.

Дисфункции в экономике указывают, что необходимы изменения во всех трех сферах.

О необходимости изменений в теории экономики свидетельствует прежде всего глобально нарушенное равновесие. Это сказывается на каждом из трех названных пунктов, составляющих парадигму экономики.

1. Что касается предмета экономики - в последних десятилетиях был сильно запущен социальный контекст экономики. А ведь экономия - не техническая наука. Она причисляется к гуманистическим общественным наукам. В связи с этим необходимо вернуться к гуманистическим аспектам экономики - с учетом блага человека. Ведь еще Аристотель подчеркивал, что экономия должна служить счастью и благополучию людей.
2. Что касается методологии - экономию пытались уподобить математике. Отсюда развитие математического моделирования. Был заброшен качественный анализ в пользу количественного. Математические модели в формировании экономики необходимы. Не ставя под сомнение пригодность эконометрического моделирования, следует, однако, трактовать его как инструмент, а не божество или предсказание.
3. И, наконец, насчет применения экономики в практике. Здесь, пожалуй, упреков больше всего. Они касаются даже нобелевцев. Экономия и экономисты обвиняются в ее подчинении интересам крупного бизнеса. Из-за этого теряется общественный потенциал. Примером является хотя бы приоритет монетарной политики относительно политики рынка труда и борьбы с безработицей. Стабильность и понижение цен увеличивают количество избирателей политикам. Ведь цены затрагивают всех, а безработица лишь некоторых.

Теория экономики подлежит эволюции. Она подчиняется также теории стоимости и цены. Начала этой теории, то есть рассуждения о том, что формирует стоимость и предопределяет цены благ, можно усмотреть еще в античных временах, в трудах великих философов, в том числе Аристотеля. Главный труд этого философа „Никомахова этика" содержит этические принципы человеческого поведения, причем отправной точкой оценивания является предположение, что благо и счастье представляют наивысшие ценности. А достижению такого состояния способствуют

⁴⁶ Эти вопросы подробно рассматриваются, в частности, в: Б. Федор, З. Хокуба (ред.) Экономические науки перед лицом вызовов современности, РГЕ, Варшава, 2009

гармония, умеренность и добродетель в поведении людей. Сегодня беспокоит и заставляет задуматься, почему современный мир так отделился от этих принципов⁴⁷.

В древности характерной чертой рассуждений на тему стоимости было большее их подчинение философско-этической доктрине, чем экономической. Однако тем, что должно было соединять эти два аспекта, было принятие отправной точкой благо человека. В настоящее время достаточно доводов того, что главные течения теории экономики очень отделились от этого принципа. „Отмывание” экономики от эτικο-нравственных рассуждений было последствием принятия исходным условием, что свободный рынок отлично разрешает эти вопросы. Однако Роберт Скидельски напоминает, что „дух капитализма вступил в человеческую историю относительно поздно. До этого рынки купли-продажи были ограждены рядом моральных и юридических рестрикций. Не был примером для подражания человек, который посвятил свою жизнь деланию денег. Смертельными грехами считались алчность, жадность и зависть. Ростовщичество (делание денег из денег) было грешно”⁴⁸.

Поиск ответа на вопрос, почему проблемы нравственности и социальной справедливости в наше время маргинализуются, ведет к труду Адама Смита и характерной для современности, ошибочной, односторонней, но доминирующей их интерпретации. Величайший труд Смита *Исследование о природе и причинах богатства народов*, опубликованный в 1776 году, сформировал теорию и экономическую политику конца XVIII и первой половины XIX столетия как в Англии, так и в мире, трактуется как „библия либерализма”⁴⁹. Но остается в тени другая важная работа Смита: „Теория нравственных чувств”, свидетельствующая о чуткости автора к вопросам социальной справедливости и благу всех⁵⁰. В обеих работах Адам Смит обуславливал правильное действие механизма невидимой руки удовлетворением требования социальной справедливости⁵¹. На интерпретационные слабости работ Адама Смита обращается внимание в литературе по предмету, но лишь с недавнего времени⁵². Смит первым отличал естественную цену от рыночной, подчеркивая, что первую определяют долгосрочные факторы, а вторая определяется

⁴⁷ Эти вопросы шире обсуждаются в: Э. Мончиньска, „Когда слуга становится господином, то есть дисфункции измерения стоимости бизнеса и результатов экономической деятельности, в: Д. Зажецки (ред.), *Время на деньги. Управление Финансами, инвестиции, оценка предприятий, управление стоимостью*, Щецин 2011 г. с. 103-120 op. cit.

⁴⁸ Р. Скидельски, *Жизнь после капитализма*, http://wyborcza.pl/1,76842,9132363,Zycie_po_kapitalizmie.html#ixzz1La708uDS

⁴⁹ Первое польское издание этого труда шотландского мыслителя и экономиста было опубликовано PWN в 1954 г. А. Смит, *Исследование о природе и причинах богатства народов*, том. 1-2, перевод. С. Вольфф, О. Эйнфельд, З. Садовски, А. Прейбиш, Б. Ясиньска, ред. Я. Древновски, Э. Липиньски, PWN, Варшава 1954). Второе издание появилось на книжном рынке лишь в 2007 г. vide: Адам Смит. *Исследование о природе и причинах богатства народов*, том. 1-2, перевод. С. Вольфф, О. Эйнфельд, З. Садовски, А. Прейбиш, Б. Ясиньска, ред. Я. Древновски, Э. Липиньски, Научное издательство PWN, 2007. Труд Адама Смита трактуется как пионерская теория свободного рынка и классической экономики, представляющая фундаменты экономического либерализма, и по сей день налагает свой отпечаток на форму современных экономических теорий. Отсюда и дата опубликования этой работы условно считается датой зарождения современной экономики.

⁵⁰ А. Смит, *Теория нравственных чувств*, перевод. Д. Петш, PWN, Варшава 1989

⁵¹ Т. Кварчиньски, *Невидимая доктрина Адама Смита*, Научные тетради KUL 2005, №1 (189), с. 96-101

⁵² См., в частности, З. Садовски, уже цитированное предисловие ко II изданию „Богатства народов” и Ян Половчик, *Элементы бихевиоральной экономики в работах Адама Смита*, *Ekonomist* 2010, №4. а также Стефан Забеглик, Адам Смит, *Wiedza Powszechna*, Варшава 2003.

кратковременно текущей ситуацией на рынке. Рыночные же цены колеблются вокруг стоимости, почти никогда ей не равняясь⁵³.

Не вдаваясь здесь в подробные характеристики следующих школ экономии и их подходов к вопросу стоимости, в кратчайшем изложении и упрощении можно утверждать, что до середины XIX в. в основных теоретических течениях признавалось, что стоимость и цены детерминируются издержками производства.

Со второй половины XIX века развивается, однако, субъективно-маргиналистическое течение с австрийской психологической школой, лозаннской математической школой и неоклассической экономией. Предвестником такого подхода был Кароль Менгер, представитель австрийской психологической школы экономии. Согласно этой школе, стоимость продукта устанавливается не как производное понесенных затрат, а его полезности, то есть степени, в какой продукт исполняет ожидания и удовлетворяет клиента, что определяет так наз. кривая полезности. Попыткой компромисса между подходом, связывающим цены с формированием издержек производства, и субъективно-психологическими теориями, связывающими цену со спросом и полезностью, была концепция Альфреда Маршалла, учитывающая как спросные, так и предложеческие факторы, связывающая одновременно глобальный спрос с полезностью продуктов и доходами потребителя. Эта неоклассическая модель, исходившая из предположения совершенных рынков, доминировала в главном течении экономической теории многие десятилетия, во что имела свой вклад, в частности, разработанная в 1874 г. так наз. модель Вальраса, творца модели общего равновесия и общего оптимума, в том числе функции социального благосостояния). Она соединяет оптимум обмена (то есть ситуации, когда в экономике нет ни недостатка, ни излишков ресурсов) и оптимум производства (то есть ситуации, когда все запасы использованы и не доходит до их излишнего расходования).

Это модельное, теоретическое изложение. Практика же почти всегда отличается от такой модели. Так как она требует удовлетворения ригористических условий, в частности, условий совершенной конкуренции, что в действительности обычно не достигается. Ведь есть достаточно доводов ненадежности рынка как механизма формирования оптимума и социального благосостояния. Нарушения рыночного механизма являются, в частности, следствием асимметрии информации, внешних эффектов и т.п. Особенно выразительно представляет это Стиглиц в книге под симптоматичным заглавием *Freefall. Безудержная езда. Америка свободные рынки и погружение мировой экономики*, отсылая к своим более ранним результатам исследований, указывая при этом на необходимость „реформы экономии”⁵⁴. „Эти новые результаты доказывали, что убеждение в эффективности рынков не имеет научных оснований”⁵⁵.

Теперь на этом фоне все сильнее экспонируется необходимость пересмотра некоторых старых теорий, доктрин, критериев и принципов, которые теряют актуальность и подводят в новой, динамически меняющейся действительности. Под влиянием глобального кризиса эти дискуссии приобретают характер *войны идей*, в которой экономисты взаимно обвиняются в ошибках, ведущих к глубокому,

⁵³ А. Смит, Исследование о..., г.7 „Об естественной и рыночной цене товаров” op. cit. с. 66-76

⁵⁴ Дж. Э. Сиглиц, op. cit. с. 277-317

⁵⁵ Дж. Э. Стиглиц, ibidem. с. 283

опасному нарушению равновесия и беспорядку в мировой экономической системе⁵⁶. Заглавия публикаций на эту тему говорят сами за себя⁵⁷. И так, лауреат премии Банка Швеции им. Альфреда Нобеля в области экономии (2008) Пол Кругман задает вопрос прямо: „почему экономисты ничего не поняли?“, указывая, в частности, на грозный синдром *casino finance, shadow banking system* („The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008”)⁵⁸. Стиглицц решительно поддерживает также взгляд, что „глобальный кризис не есть нечто, что попросту случилось. Он скреатирован Wall Street, в частности, через доктринальный подход к теории экономии и принятие неоспоримым тезиса о надежности рынка”⁵⁹.

На проблему дисфункции экономии много лет тому назад указывал также Джон К. Гэлбрейт, критически оценивая, что „в пределах классической или неоклассической традиции удерживает экономию, прежде всего, укоренившееся, сильное ангажирование в пользу установившихся взглядов. Это действительно мощные узы. Немногие экономисты хотят отвергнуть то, что было принято во времена их давней учебы, а позднее в их собственных лекциях, журналах и научных дискуссиях защищалось и разрешалось. Отречься от того, чему научились и чему сами учили других - значит признаться в ошибке – а это все мы не допускаем к себе.”^{60, 61}. Удерживающуюся постоянно силу неоклассической теории и неолиберализма Гэлбрейт приписывал монуществу экономических интересов и пригодности этой теории в разрешении проблемы власти в экономике и политике. Ведь если согласно основным положениям классической экономии, экономикой правит рынок, то тем самым исчезает проблема и упрек в злоупотреблении власти, а критика власти воспринимается и объясняется как борьба с рынком. Существенным фактором силы классической теории является также стремление к математизации экономии и трактовке ее как точной науки. Поскольку основные положения классической экономии дают возможность математического моделирования.

Новейшие дебаты на тему экономии указывают не только на растущую роль качественного анализа, но и на угрозы, вытекающие из переоценки математических моделей и недооценки исторического опыта. Джордж Акерлоф вместе с Робертом Шиллером, анализируя причины настоящего кризиса и экономических извращений экспонируют негативные последствия неделания выводов из истории, в том числе выводов из великого кризиса межвоенного периода⁶². Парадоксально при этом в эпоху экономики, основанной на знаниях, в сущности мы имеем дело с экономией несовершенных знаний, ненадежных знаний (*Imperfect Knowledge Economics*)⁶³. В таких условиях *несовершенна правда и неправдива надежность*⁶⁴. Экономия же является наукой, базирующейся на исследованиях определенных закономерностей, регулярностей. Если же времена бурные, возникают трудности с

⁵⁶ What went wrong with economics. And how the discipline should change to avoid the mistakes of the past. *The Economist*. Jul 16th 2009,

⁵⁷ Эти вопросы подробно обсуждаются в : Э. Мончиньска, Экономия и цивилизационный перелом, в: Экономические исследования, ИЭН ПАН, № 3–4 (LXII–LXIII) 2009, с. 137 и след.

⁵⁸ P. Krugman. *How Did Economists Get It So Wrong?*, *NT*, September 2, 2009 и P. Krugman „The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008”, W.W. Norton & Co Inc 2008

⁵⁹ J. E. Stiglitz, *Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy*, W. W. Norton., N.Y. 2010, с. xix

⁶⁰ Дж. К. Гэлбрейт, *Экономия в перспективе. Историческая критика*, PWE, Варшава, 1992, с. 298

⁶¹ *Ibidem*. с. 298

⁶² G. Akerlof, *op.cit.*

⁶³ Roman Frydman, Michael D. Goldberg, *Imperfect Knowledge Economics: Exchange Rates and Risk*, Princeton University Press, 2007.

⁶⁴ *Ibidem* с. 3.

идентифицированием таких регулярностей, закономерностей. Это обосновывает тезис о необходимости смены подхода в экономических науках. Модели, в том числе математические, подводят. Ведь они базируются на неких прочных предпосылках и закономерностях, следовательно, в условиях бурных перемен становятся менее пригодными. Как отмечает Роберт Шиллер, математические модели, которые стандартная экономия применяет для исследований, анализа и прогнозирования рынка, не учитывают существования спекулятивных пузырей. „Поэтому аналитики теряют ориентацию, когда пузырь приобретает опасные размеры, и совсем теряются, когда он лопается, вызывая кризис. Экономисты, практикующие так наз. неоклассическую экономию, не могут понять механизм пузырей, если предполагают, что рынок - это место, где рациональные игроки принимают основанные на знаниях решения и устанавливают рациональные стоимости благ”⁶⁵. Отсюда значене холистического подхода с учетом не только экономических, но и социальных, экологических и пространственных вопросов. Оптимальные правила для одной экономики оказываются неоптимальными для другой. Лауреат Нобелевской премии Эдмунд Фелпс указывает, что холистический подход представляет одно из важных достоинств сформулированной Р. Фридманом и М.Д. Гольдбергом концепции *Imperfect Knowledge Economics*⁶⁶. „Не может быть создана толковая экономия, абстрагирующая от непредсказуемости человеческих реакций на сигналы, информацию, поручения, стимулы”⁶⁷.

В реакции на перемены в теории экономии постепенно рождаются новые исследовательские течения, в частности, *трандисциплинарная экономия сложности*, с базирующейся на бихевиоральной экономии – *психоэкономии*, *экономия несовершенных знаний*. Можно считать это началом медленно совершающегося изменения парадигмы экономии. По Анджею Войтыне, „с определением изменений как революционных следует быть, однако, очень осторожным, причем не только ввиду /.../ влияния идеологических факторов или обыкновенного невежества критиков, но и ввиду значительной адаптивности экономии главного течения”⁶⁸.

Дисфункции экономии и финансового измерения состояния экономики в макро- и микроэкономическом аспекте дают направление поиску решений в сфере принципов экономического устройства, в том числе определяющих роль рынка и государства.

Ввиду опыта глобального кризиса, все больше сторонников приобретает мнение, что рынок не является достаточно эффективным субститутутом дорогостоящего государства. Кризис интенсифицировал не только дискуссию на тему легитимизации финансовой системы в ее нынешней ее форме, но и дискуссию на тему будущего капитализма. Здесь возникает вопрос оптимальной формы модели экономического устройства.

⁶⁵О значении эмоций в экономике с Робертом Дж. Шиллером, американским психоэкономистом беседует Яцек Жаковски, Политика, 05-07-2009

⁶⁶“Another hallmark of the imperfect knowledge view is its qualification of fixed policy rules. The necessary point is that the optimum rule is not the same from one structure of the economy to another. As with the rest of macroeconomics, the issues have to be rethought in a way that makes the ever-imperfect knowledge of market participants and policymakers an integral part of the analysis” – цитата из предисловия Эдмунда С. Фелпса к книге Р. Фридмана и М.Д. Гольдберга, *Imperfect Knowledge*...op.cit. ., с. xiii.

⁶⁷ Экономия ненадежности. С Романом Фридманом о том, почему экономисты все время ошибаются, беседует Яцек Жаковски, Политика. Путеводитель Интеллекта. Издание 14 - № 10 (2644) за 08-03-2008; с. 3

⁶⁸ А. Войтына, *Современная экономия-продолжение или поиск новой парадигмы?*, в колл. работе под ред. Б. Федора, З. Хокуба, там же с. 27

3. Дилеммы формирования модели экономического устройства

Экономическое устройство определяет принципы и рамки экономической деятельности, обязывающие всех актеров экономической жизни⁶⁹. Отсюда системная политика и являющаяся ее результатом форма экономической системы представляют фундаментальный фактор социально-экономического развития страны, фактор достижений и успеха его граждан⁷⁰. Хозяйственная история доставляет, к сожалению, весьма много доводов (причем из разных географических пространств и эпох), насколько дорогостоящими могут быть и являются ошибки в формировании экономического устройства⁷¹. Такие ошибки и их последствия мир испытывает и сейчас⁷².

Отсюда актуальность вопроса, сформулированного Ильей Пригогиным, лауреатом нобелевской премии в области химии в 1977 г.: „Если Природа, если материя имеет свойство стихийно создавать порядок, то мы, люди, тоже подчиняемся тем законам, которые управляют этим процессом?“⁷³. В этом можно сомневаться, поскольку в настоящее время явно углубляется экономический беспорядок, причем в глобальном измерении.

Так что возникает вопрос о системном порядке, элиминирующем социально-экономический беспорядок, а тем самым вопрос об устройстве равновесия. Под устройством равновесия понимается порядок, в рамках которого развитие одной области социально-экономической жизни не угрожает другой и не генерирует патолого-деструктивных явлений, таких, как напр. нарушение экологического, пространственного, социального и др. равновесия. Существенно при этом понимание устройства равновесия как динамической категории, а это означает, что вроде бы естественные, необходимые для прогресса переходные состояния неравновесия и творческой деструкции являются почвой устойчивого социально-экономического развития. При этом возникает вопрос, возможно ли вообще устройство равновесия.

Вопросы, споры и дилеммы, касающиеся экономического устройства, обычно приобретают особое значение в период исторических переломов, в том числе цивилизационных и технологических, а также в периоды кризисов. Так происходит и сейчас. Экономическая история показывает при этом, что смена цивилизационного образца каждый раз претворялась в смену модели экономического устройства. И так, сельскохозяйственная цивилизация принесла феодализм, а промышленная - капитализм со следующим различными его разновидностями. Смена

⁶⁹ Рамки устройства сравниваются со своего рода клеткой. Образно это представил один из менеджеров: „Когда тигр вырывается на свободу и сеет опустошение, только сумасшедший будет его осуждать. В действительности виноват идиот, который его не удержал“, *Еженедельник Форум*, 2010, 9-15.08, № 32, с. 3

⁷⁰ Я писала об этом, в частности, в статье: *Экономический порядок. Похвала „ордо“*, в: *Либерализм в современной экономике*, ред. Б. Ярмолович, М. Ратайчак, Издательство Экономической академии в Познани, Познань 2008, с. 151–168.

⁷¹ “Lucky the city with a decent government. Not all happy cities resemble one another, but each unhappy city is at least partly unhappy for a single reason: misgovernment. The quality of government, local and national, is the most important factor, apart from the economy, in the success (of a city)” – см. *Failures at the top*, “The Economist”, May 3rd 2007.

⁷² Г. Стейнгарт, *Банкротство последней утопии*, „Еженедельник Форум“ 2008, № 41, П. Бофингер, *Нас ждет эпохальная переменна*, „Еженедельник Форум“ 2008, № 41.

⁷³ А. Weron, *Ilya Prigogine (25.01.1917–28.05.2003)*, http://pryzmat.pwr.wroc.pl/Pryzmat_167/Pryzmat167.pdf

же экономического устройства означала изменение социальной стратификации и, что характерно, сопровождалась изменением типа сообщения, общественной коммуникации. Феодалов заменили капиталисты, а феодальных крестьян – пролетариат. Преобразование феодализма в капитализм сопровождалось переходом от эпохи ручного писания слова к эпохе печатного слова. Постиндустриальная же цивилизация - это эра цифрового языка и появления нового, наивысшего социального слоя так наз. „цифровой нетокрации”. Так что рождается вопрос, принесет ли эта цивилизация новое устройство и каким оно будет?

По мере прогрессирующей деиндустриализации и глубоких преобразований в моделях функционирования предприятий классическая модель капитализма уступает менеджерскому капитализму, что проявляется в отрыве собственности от управления, а тем самым и от контроля. Выскальзывающей из-под собственнического контроля и укрепляющейся власти менеджеров, а также их автономизации способствует нарастание рассеянности акционариата, что проявляется, в частности, в размывании структуры собственности.

Все это ведет к оживлению дебатов, направленной на поиск оптимальной, то есть наилучшей в данных условиях модели экономического устройства. Контестируются идеи вашингтонского консенсуса с его требованием унификации экономических систем. Все чаще указывается на то, что экономическое устройство должно быть „костюмом, сшитым на заказ”, а не одного фасона для всех.

Вопрос о будущем капитализма вставал еще почти на заре его истории. В опубликованной более 10 лет тому назад (в 1996 г.) книге Лестера С. Турова „Будущее капитализма”, ее автор, американский профессор экономики, отмечает, что „с начала промышленной революции, когда успех стал дефинироваться как растущий материальный уровень жизни, нигде не удавалось дойти до четкого функционирования какой-либо другой – некапиталистической экономической системы”⁷⁴. Капитализму проиграли все другие системы, в то числе социализм, коммунизм и фашизм, а также утопические модели экономического устройства. В этом смысле капитализм воспринимался как бесконкурентный.

Но в то же время Л.К. Туров – метафорически пользуясь геологической теорией плитовой тектоники и биологической теорией нарушенного равновесия – констатирует: „кажется, что-то потрясает основы капитализма”. Подобного взгляда придерживается Иммануил Валлерстейн, американский профессор социологии. В своей последней книге „Утопистика. Исторические альтернативы для XXI века” утверждает, что сейчас мы живем в фазе заката капитализма, который приходит в упадок, а то, как будет выглядеть следующий цикл развития человечества, зависит от событий в его нынешней фазе⁷⁵. Этот автор приходит к выводу, что капитализм – „старик”. Как социолог, историк, экономист и автор теории мирсистем, он поддерживает тезисы, представленные в опубликованной почти 10 лет тому назад книге *Конец мира, какой мы знаем*. Он в ней доказывал также, что современная мировая система „(...) входит в окончательный кризис и мало вероятно, что она будет

⁷⁴ Туров Л.К. Будущее капитализма: Как сегодняшние экономические силы формируют мир завтра, Дольношленское издательство, Вроцлав, 1999, с. 9.

⁷⁵ Валлерстейн И., Утопистика. Исторические альтернативы для XXI века”, Издательство Братства Тройка, серия "Теории сопротивления", 2008

существовать через 50 лет”, так как находится в фазе „смертельного кризиса”⁷⁶. Валлерстейн обращает, в частности, внимание на ограничение конкуренции и принципов свободного рынка, а также на экологический кризис (глава *Экология и капиталистические издержки производства. Безвыходная ситуация*) и разрешение предприятиям экстернализовать свои издержки, то есть переносить их на мировое общество. Он указывает также на нравственный регресс и социальные диспропорции („улучшение судьбы небольшой элиты сопровождалось ухудшением судьбы остального человечества”). Валлерстейн, указывая на шанс позитивных изменений, какой создает кризис нынешней системы, констатирует, что „человеческая наглость является наибольшим ограничением, какое человечество навязывает само себе”⁷⁷.

Сейчас Валлерстейн формулирует свой тезис еще нагляднее, указывая на неизбежность конца капитализма и необоснованность попыток его защиты в ситуации, когда степень нарушения системного равновесия так глубока⁷⁸. Похожие выводы и предостережения формулировал раньше Альвин Тоффлер в своих футуристических трудах *Смена власти* (1990) и *Шок будущего* (1970)⁷⁹.

„Мы, как большая вытщенная из воды рыба, которая бешено бьется и подпрыгивает, пытаясь в воду вернуться. В таком состоянии рыба никогда не спрашивает, где она окажется после следующего удара хвостом. Она лишь чувствует, что ее нынешнее положение невыносимо и что надо пытаться что-то сделать”. Эта цитата - китайская поговорка, к которой нередко отсылают, в частности, исследователи систематической трансформации. Приводит ее также Лестер К. Туров, задумываясь о будущем капитализма⁸⁰.

Принимая во внимание сильные проявления беспорядка в глобальной экономике, дебаты на тему моделей экономического устройства будут несомненно усиливаться. Достаточно напомнить, как совершался переход от феодализма к капитализму.

Эта смена системы была следствием действия трех факторов:

1. промышленной революции,
2. изменения системы общественной коммуникации - т.е. перехода от рукописей к печатному слову - благодаря изобретениям Гутенберга

⁷⁶ И. Валлерстейн, *Конец мира, какой мы знаем*, Scholar, Варшава 2004, с. 27 и 151.

⁷⁷ Ibidem с. 306.

⁷⁸ “Virtually everyone everywhere-economists, politicians, pundits -- agrees that the world has been in some kind of economic trouble since at least 2008. And virtually everyone seems to believe that in the next few years the world will somehow "recover" from these difficulties. After all, upturns always occur after downturns. The remedies recommended vary considerably, but the idea that the system shall continue in its essential features is a deeply rooted faith. But it is wrong. All systems have lives. When their processes move too far from equilibrium, they fluctuate chaotically and bifurcate. Our existing system, what I call a capitalist world-economy, has been in existence for some 500 years and has for at least a century encompassed the entire globe. It has functioned remarkably well. But like all systems, it has moved steadily further and further from equilibrium. For a while now, it has moved too far from equilibrium, such that it is today in structural crisis”, в: Immanuel Wallerstein

THE GLOBAL ECONOMY WON'T RECOVER, NOW OR EVER

Unconventional Wisdom, A special anniversary report challenging the world's most dangerous thinking., Foreign Policy, January/february 2011, .

http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/01/02/unconventional_wisdom?page=0.9

⁷⁹ А. Тоффлер, *Шок будущего*, изд. I, PIW, Варшава 1974, изд. II, Zysk i S-ka, Познань 1998; и *Смена власти...* См. также: П. Штомпка, *Травма великой перемены. Общественные издержки трансформации*, ПАН, Варшава 2000.

⁸⁰ Л.К. Туров, *op. cit.* с. 7.

3. и изменения социальной стратификации. Место феодалов и феодальных крестьян заняли капиталисты - фабриканты и банкиры, а также пролетариат.

В настоящее время происходят изменения на этих трех фундаментальных для экономического устройства полях:

- Совершается третья промышленная революция (информационная)
- Происходит изменение в системе общественной коммуникации - цифровой язык становится постепенно все более важным средством коммуникации
- *А настоящих капиталистов уже почти нет.* Классический капитализм уступает место менеджерскому. На вершине социальной стратификации находятся менеджеры и *сетевая аристократия*, а в самом низу потребители, то есть слой, не приспособленный к требованиям виртуальной экономики⁸¹.

Однако то, что может произойти, зависит от необычайно густого переплетения очень сложных факторов и оснований, с трудом поддающихся прогнозированию и априорным оценкам. Это и есть причина того, что однозначный ответ на вопрос, какой будет следующая модель экономического устройства сейчас скорее невозможен. Существенной причиной трудности формулирования однозначного ответа на этот вопрос и на вопрос о кризисе капитализма является факт, что капитализм не одно имеет имя. Наверно, иные перспективы имеет скандинавская модель капитализма, базирующаяся на стремлении к экономическому и социальному равновесию и недопущении углубления доходного дифференцирования в обществе, и иные – основанная на остром соперничестве англосакская модель неолиберального капитализма.

Сейчас, прежде всего в контексте глобального экономического кризиса, все больше сторонников приобретает мнение, что этот кризис не является типичным конъюнктурным кризисом, а фундаментальным, систематическим, кризисом доминирующего течения экономики – неолиберализма, течения, которое впрочем уже раньше критиковали некоторые знатоки этой проблематики. На этом фоне усиливается критика нынешней модели капитализма. Скидельски, в частности, заявляет, что в 1995 г. опубликовал книгу "Мир после коммунизма". А сегодня задумывается, каким будет мир после капитализма. „Меня склоняет к этому не самый страшный с 30-х годов экономический кризис. Кризисы в капитализме были и будут всегда. У меня скорее чувство, что западная цивилизация доставляет все меньше поводов для удовлетворения, а ее мотивировочная система, настроенная на накопление имущества, затрудняет черпание из него радости. Не исключено, что вскоре истощится - по крайней мере в самых богатых странах мира - потенциал капитализма креативирования лучшей жизни.”⁸².

К кругу критиков капитализма недавно присоединился его апологет Фрэнсис Фукуяма, задаваясь вопросом „самые хорошие капиталисты - это коммунисты?” и констатируя, что „открытые денежные рынки в сочетании с неурегулированным финансовым сектором - отличный рецепт на катастрофу”⁸³.

Также Пол Джорион, бельгийский антрополог, специалист по искусственному интеллекту и финансист, в книге „Агония капитализма”, указывает на неизбежность

⁸¹ *vide* Bard A. [2006], *Нетократия и потребители, то есть новое социальное деление в эпохе Интернета*, <http://www.teberia.pl/news.php?id=5250>,

⁸² Р. Скидельски, *Жизнь после капитализма*, Gazeta Wyborcza, 2011-02-21

⁸³ Ф. Фукуяма *Самые хорошие капиталисты - это коммунисты?*, Еженедельник Форум, 26 апреля 2011, № 17/18

смены модели экономического устройства⁸⁴. А для итальянского философа Антонио Негри „самое смешное, что когда мир меняется, мы держимся за схемы столетней давности. Финансовый капитал вызывает новую аккумуляцию, а, значит, новые социальные различия, новую бедноту, акционерные общества олицетворяют коммунизм капитала”⁸⁵.

Гжегож В. Колодко прямо высказывается об „упадающем неолиберализме и его скудном наследии (то есть почему пагубная концепция на какое-то время завоевала полмира и как с этим справиться)”. Не жалея острой критики, задает вопрос: „как это происходит, то есть как идут экономические процессы, какое к этому отношение имеют наука, политика и случай, и кто нам так удружил”⁸⁶. Негативных оценок не жалеет и Тадеуш Ковалик, предостерегая перед бескритичным подходом к неолиберальным идеям и „музеализацией либерализма”⁸⁷.

Антонии Куклиньски в ответ на вопрос, в какой мере доктрина и практика неолиберализма стали источником этой деструкции, указывает на роль неолиберализма в промотировании трех процессов: процесса ослабления института государства, процесса ослабления чувства рационального экономического действия в публичной сфере, процесса ослабления рациональности долгосрочного мышления и стратегического планирования. При этом автор указывает, что за „последние десятилетия неолиберализм превратился в *quasi*-религиозную доктрину, являющуюся пантеоном четырех божеств:

- свободного рынка,
- приватизации,
- мира финансов,
- транснациональных корпораций”⁸⁸.

В свою очередь, Мачей Балтовски указывает на угрозу в виде эволюционирования капитализма к социализму, о чем уроженца 1942 года наводит на мысль шумпетеровский тезис о трансформации капитализма в социализм⁸⁹. Но в отличие от Шумпетера, который утверждал, что у капитализма не было шансов выжить, а о прогрессирующем преобразовании в социализм предрешают не его поражения, а успехи, Балтовски указывает на поражения капитализма. Констатирует, что „в последних нескольких десятилетиях наступало своеобразное, на первый взгляд мало заметное эволюционирование системы рыночного капитализма в направлении системы, характеризующейся некоторыми элементарными достоинствами социалистической экономики”⁹⁰. Это проявляется, в частности, в „доктринальной основе экономической системы”. В то же время автор предостерегает перед чрезмерной верой в глобальные регулирования экономики. Подчеркивает, что из опыта социалистического хозяйства вытекают некоторые общие выводы относительно способов функционирования глобальных регуляторов. Прежде всего они должны концентрировать свою активность не на замене рынка – что всегда ведет к разнородным негативным последствиям – а на ограничении его шаткости. Если глобальный регулятор поверит в свою мудрость и в omnipotenciu, если не обуздает конструктивистские

⁸⁴ П. Джорон Вызывайте Робеспьера! Время рубить головы. Le Nouvel Observate., перепечатка Еженедельник Форум, 17/18, 2011, с. 21; À CAPITALISME LE L'Agonie, Fayard 2011

⁸⁵ Маркс бы хохотал - интервью Я. Жаковского с А. Негри, Еженедельник ФОРУМ 04/2010, см. также А. Negri, Goodbye Mr Socialism, Издательство: WAB, Варшава 2008

⁸⁶ Г.В. Колодко, *Мир в движении, Варшава, Изд. Prószyński i S-ka, 2008.*, главы II и VI.

⁸⁷ Т. Ковалик, *Социальная рыночная экономика – декорация или программа действия?*, доклад на конференцию RN ZK PTE, 7.03.2002.

⁸⁸ А. Куклиньски, *Полония Quo Vadis?*, Экономический бюллетень PTE, 2010 № 1. с. 17

⁸⁹ Дж.А. Шумпетер., *Капитализм социализм демократия*, Варшава, PWN, 1995, с. 76.

⁹⁰ М. Балтовски., *Социалистическая экономика в Польше. Генезис, развитие, упадок*, Варшава, Научное издательство PWN, 2009, с. 2.

поползновения и чрезмерный антропологический оптимизм, то несомненно закончит как центральный плановик в социализме. Представляется, что единственной возможностью его действий в соответствии с логикой рынка, является „marktkonform”, как предполагает теория немецкой социальной рыночной экономики”⁹¹.

Этот тезис важен, тем более, что ссылается на конституционную модель польской экономики, то есть социальной рыночной экономики⁹². Важен еще и потому, что системные дилеммы касаются и мира, и Европейского Союза в целом, в том числе и Польши. При этом Польша является иллюстрацией того, как трудно найти удовлетворительные решения, касающиеся формирования экономического устройства. Ведь помимо того, что трансформация экономического устройства в Польше была начата 20 лет тому назад (в 1989 г.), системные вопросы остались нерешенными удовлетворительно до сих пор. Не меняет эту оценку факт конституционного признания социальной рыночной экономики как обязывающей модели экономического устройства⁹³. В *Договоре, устанавливающем Конституцию для Европы*, тоже утверждается, что основой устойчивого развития Европейского Союза будет социальное рыночное хозяйство, что поддержано также в лиссабонском договоре, изменяющем договор об Европейском Союзе и договор, устанавливающий Европейское Сообщество⁹⁴.

В рамках системных дискуссий формулируются также мнения, идущие в направлении защиты неолиберализма. Очень ярко формулирует их, в частности, Роберт Гвядзовски, который в ответ на вопрос о кризисе капитализма и неолиберализма, отвечает кратко: „вздор”. Считает, что нынешняя кризисная ситуация - результат действий чиновников в США, а не кризиса неолиберализма, который вследствие чиновнических вмешательств никогда не дошел до полной формы⁹⁵.

Однако нельзя сомневаться в усилении экономического беспорядка. Сейчас достаточно доводов глобально *нарушенного равновесия*, о чем свидетельствуют хотя бы все более контрастирующие полюса богатства и нищеты, не говоря уже о нарушении экологического равновесия. Нарушение равновесия проявляется и в повседневной жизни, в частности, в виде зараженной воды или воздуха. Нарушение социального равновесия результирует социальными девиациями, преступностью, терроризмом и другими грозными явлениями. Это становится причиной значительного снижения комфорта жизни. Парадоксально, это касается также большинства самых богатых стран, помимо роста уровня национального продукта брутто (ВВП), отражающего рост уровня богатства страны. Богатство не только не оберегает от негативных последствий нарушения равновесия, особенно экологического, но вдобавок деградация природной среды ведет к *экологической девальвации и отчуждению*⁹⁶.

Очень образно представляет это Зигмунт Бауман „Фирмы ведут коварную подъездную войну. /.../ Например, продукты искусственно обесцениваются и заменяются „новыми и улучшенными” вариантами. Первичный продукт после

⁹¹ Ibidem, с.7

⁹² Проблематика социального рыночного хозяйства подробно представлена, в частности в: Э. Мончиньска, П. Пыш (ред.) Идеи ордо и социальная рыночная экономика, PTE, Варшава, 2008. См. также П. Пыш, Социальная рыночная экономика, PWN Варшава, 2008

⁹³ Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 г., Ж. Зак., № 78, поз. 483.

⁹⁴ Договор, устанавливающий Конституцию для Европы, Ж. Зак. ЕС, С 310, е. 47, 16.12. 2004 г.

⁹⁵ *Конец капитализма? Вздор?*, интервью Р. Гвядзовского, „Банковская Газета” 2009, № 5 (1057), с. 23.

⁹⁶ У. Бек, Общество риска. На пути в другую современность, Научное Издательство Scolar, Варшава, 2002, с. 51 и следующие.

одного сезона не может стать только старым, его прямо-таки надо стыдиться. /.../ Свободное право покупателя преобразовалось в обязанность, от которого все труднее высвободиться/.../ Потребление стало отличным методом подчеркивания социальных различий и приобретения уверенности в себе. Хорошо выдрессированные потребители - а такими являемся в принципе мы все, причем во все младшем возрасте – имеют тенденцию к восприятию мира как склада продуктов. /./ Потребитель становится товаром. ... „Мы хотим добиться успеха - поэтому должны выглядеть как можно привлекательнее. Сам человек превращается в товар. ... Потребление не строит человеческие связи, поэтому является действием в одиночку, хотя и выполненным совместно⁹⁷”.

Поэтому также с все большим расположением встречаются ордолиберальные идеи как противовес неолиберализму. Поскольку *ордо* означает лад, порядок. Квинтэссенцией такой ордолиберальной модели является модель социальной рыночной экономики. Это модель равновесия, в которой сочетаются экономические и социальные интересы. Скандинавские страны, подражающие модели социальной экономики, не пострадали так сильно, как неолиберальные.

Но и эта модель (модель социальной рыночной экономики) требует приспособления к современным условиям глобального хозяйства. Ведь ордолиберализм выводится еще со времен до II мировой войны. А глобализация тогда не была так развита, как сегодня, господствовала модель национальных экономик, со значительно меньшим участием финансового сектора.

Вместо заключения

Рассуждения на тему желательной модели экономического устройства, способствующей оптимальному использованию потенциала знаний, все еще остаются в фазе открытых вопросов. Здесь появляется сложная проблема - какую роль в процессе преобразований будет исполнять теория экономии и отдельные „экономические школы”. Присущие современному миру изменчивость и „нарушенное равновесие” заставляют вести поиск новых будущих теоретических концепций и решений в формировании модели экономического устройства, направленных на симбиоз экономического, социального и экологического прогресса. Образцом такого симбиотического подхода являются ордолиберальные идеи социальной рыночной экономики. Они не новы, но современность, кажется, все отчетливее подтверждает их обоснованность. Поскольку в модели социальной рыночной экономики учитываются не только экономические аспекты, но и социальные, экологические, что способствует смягчению экономических диспропорций и социальных напряженностей. Однако эта модель тоже требует приспособления к меняющимся экономическим условиям, а прежде всего к изменяющимся (в частности, под влиянием глобализации) сферам власти и компетенции по принятию решений. При этом возникает вопрос о рамках, формах и условиях такой имплементации. К ответу может приблизить рефлексия над поставленным Лестером Туровым вопросом: „Каким образом капиталистическая система должна функционировать в эру интеллектуального потенциала, если этот потенциал не может находиться в собственности?⁹⁸”

⁹⁷ З. Бауман, Почему одинокие должны ходить стадами. *Süddeutsche Zeitung*, перепечатка Еженедельник *Forum* 17/18 2011, 26.04 2011, с. 20-22

⁹⁸ Л.К. Туров., *op. cit.*, с. 29.

